

УДК 81'1.512.145

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Алиева В. Н.

В исследованиях по языку звукоподражания определяются по-разному: оноματοпоэтические, изобразительные, подражательные слова, мимемы. Термином «изобразительные» слова чаще всего обозначают широко распространенные в тюркских языках звукоподражательные и так называемые «образные» слова. Нередко звукоподражания рассматривают как «словесные символы», «речевые знаки», «эквиваленты слов» [1].

Звукоподражательная теория, возникшая еще в античной философии, связывает происхождение языка с имитацией. Раскаты грома, шум ветра, рев зверей и пение птиц, по мнению сторонников этой теории, воспроизводились человеческим голосом и легли в основу языка. В исследованиях о происхождении языка звукоподражательная теория объединяется с междометной, эмоциональной, связь между звуками и их значениями выводится из общности эмоций, вызываемых звуками и предметами.

На данную тему было написано немало книг и статей [5, 124]. При этом зачастую смешивались поэтические звукоподражания, имеющие свою природу, со звукоподражаниями народного языка, не всегда принималось во внимание то, что с веками содержание подобных слов может меняться.

Современный человек воспринимает окружающую действительность иначе, чем первобытный человек. Известно, что звукоподражательные слова использовались как магическое средство. К. Бюхер, описывая женскую работу и женскую поэзию первобытного времени, отмечает, что в устах женщины трудовая песня легко принимала форму заклинания – звукоподражания [2, 286].

Истоки звукоподражательного корня слов чаще всего находятся в народном языке, когда человек, олицетворяя природу, беседовал с ней. Постепенно звукоподражания освобождаются от мистицизма, у современного человека они носят образно-поэтический характер, вызываются особым душевным настроением.

По-своему отображая действительность, звукоподражания обусловлены в своем развитии изменяющимся бытом человека, его характером, восприятием действительности и, разумеется, фонетической системой языка. Это не названия предметов или действий, а приблизительное изображение действия предмета с характерным для него звуком (ритмикой, мелодикой).

Звукоподражательные слова в тюркских языках обобщают обширную группу, так как подражать можно птицам, животным и даже предметам и стихийным проявлениям природных сил.

В 1918 году была опубликована работа профессора Н.И. Ашмарина «Основы чувашской мимологии» [1], где определяется понятие мимемы. Данную

терминологию принял Н.К. Дмитриев. Под мимологией он понимал широкую группу слов, которые по форме и содержанию имели «подражательное назначение» [4, 59]. Звукоподражания – наиболее значительный раздел в составе мимемы, они образно выражают звуки, которые производятся неодушевленными предметами и живыми существами.

В данную группу следует отнести подражания птицам.

Къозлавукъ тавукъ	А курица-несушка
Къыт-къыт-къыдакъ!	Кудах-кудах-кудах!
Менден кучлю хораз ёкъ!	Нет сильнее петуха.
Ко-ка-ре-кок! Ко-ка-ре-кок!	Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

Или:

Торгъайлар да къошулып, И воробьи, ввязавшись в разговор,
Чивиль-чивиль чивильдей. чирик-чирик чирикают. (С.У.)

Утки и гуси также издают разные звуки. Папий чыкъып батакътан: *Вакъ-вакъ, вакъ-вакъ* вакъылдай ...Къазлар *гъакъ-гъакъ* гъакъылдай (С.У.) – Утка крикает из болота (вакъылдай) / Кря-кря-кря. Гуси гогочут га-га-га.

Наименование дятла в крымскотатарском языке связано со звуками, которые он издает при ударах клювом по дереву: *такъ-такъ*. Поэтому дятел – это *такътакъ къуш* (дословно: *такъ-такъ* / тук-тук птица).

Отметим, если звукоподражательные слова, передающие подражания звукам животных, в тюркских языках мало различаются, то в подражаниях звукам птиц есть некоторые различия. Например: подражания звуку ворона: в азербайджанском языке – это *га-гар-гыр*; в туркменском – *гак-зак*, в крымскотатарском языке – *къар-къар* / *гъар-гъар*.

Подражание звуку птичьего мира у каждого народа имеет свою фонетическую специфику, а звукоподражательные слова, производимые насекомыми мало различаются в тюркских языках. Например, подражание звуку, которое производится пчелой или мухой: *выз-выз*; звук, который производится осой: *дыз*; звук, который издает змея: *ш-ш-ш*. Слова подобного типа составляют немногочисленную группу.

Особенностью звукоподражательных слов в крымскотатарском языке является необычная структура. Это распространенность повторов, нетипичное для языка распределение звуков, способность присоединять к себе специальные элементы и служебные слова. В подобном звуковом комплексе выделяется согласный звук, который по ономапоэтической теории считается способным отобразить какую-либо сторону явления. Например: в крымскотатарском языке глухой шум, удар, передается звуко сочетанием – *пат*, стук по дереву – *такъ-такъ*. Можно уловить схему, по которой строятся подобные слова – это характерный согласный в сочетании с гласным, также влияющим на природу мимемы. Например, предполагалось, что звук *и* придает комплексу тонкость, звук *у* – глухость, а согласные большей частью гармонируют с ними. Таким образом, подобный комплекс может состоять из следующих звуков: $c_1+г+c_2$, где *с* – согласная, *г* – гласная: *шап-шап* – шлепанье, хлопанье при ходьбе по воде, *фыр-фыр* – полет бабочки; ягъмур *шув-шув* ягъа – с шумом идет [шув-шув] дождь; *чым-чым* чырагъым – кап-кап моя свеча.

Как отмечает Н.К. Дмитриев, подобные формулы варьируются, они могут состоять из трех согласных и одного гласного, для них характерны повторы [4, 63–64]. Например: *тарс* – сильный стук; *тарс-турс* – неравномерный стук. *Тарс-турс!* этип коньуз къапыны урды! *Такъ-такъ!* этип урды кирпи. – Тук! Тук! Жук постукивал в дверь. Стук! Стук! Ударил [в дверь] ёж. *Дар-дурс*, думбелек. – Бух-бух, барабан.

При этом наблюдается своеобразная «игра вокализма»: низкие гласные, например, **а** – более сильные и потому передают большую степень насыщенности действия: Къаравул тез-тез чыкъа, тюфегине окъ толдура ве авагъа «*Данъ!*» ата, тилькичик коркъып къача. – Вскоре появляется сторож, который стреляет из ружья, бах! Лисенок пугается и убегает.

Шарт – подражание сильному треску, *шырт* – подражание слабому треску (**ы** – высокий гласный звук, более слабый) – пытакъ *шарт* сынды – ветка с треском сломалась; Бир давуш *шырт* эткенде, Кирпи сорай – я о не? [Дж.Б.]. – Послышитесь легкий треск, а ёж уже вопрошает: – Что это?

В парных мимемах вторая часть может состоять из этого же слова, но с другим гласным звуком: *Шарт-шурт* алма. Меним артымдан къалма [Дж.Б.]. *Шарт-шурт* – неравномерный треск.

Письмо лишь условно передает воспроизводимые звуки, в произношении подражание звука проявляется наиболее ярко.

Надо иметь в виду, что некоторые из звукоподражаний употребляется чаще в удвоенной или умноженной форме и редко имеют единичное употребление: – *Ко-ко, ко-ко, ко-ко, ко-ко-кок*. Тузым битги, тузым ёкъ. – Курица: *ко-ко, ко-ко, ко-ко*. Соли нет у меня. *Ме-ме-ме*. Багъыра бир къозу. – *Ме-е-ме-е*. Кричит ягненок. *Къыт-къыт* къудакъ. Бир йымырта къозладым. – *Ко-ко-ко*, снесла я одно яйцо (К.О.).

Таким образом, удвоение или многократное повторение может быть точным повторением, то есть без изменения звуков: Къоянчыкъ *оп-оп* кете. – Зайчик скачет *скок-скок*. Хоразчыкъ *тып-тып* кете. – Петушок *топ-топ* идет.

Повторение может быть неполным, передавая особые оттенки звучания: – *Мрау-мрр!* – балабан мышыкъ кельди / – *Мяу-мур-р!* – появилась большая кошка. Сонъра къаргъа: – *Гъар-р-ркъ!* – Затем ворона: *кар-р!* [К.О.].

Класс звукоподражаний по структуре, степени образности и эффективности весьма неоднороден.

Часть звукоподражаний имеют устойчивый (постоянный) звуковой состав, который обладает свойством воспроизводимости. Так, владеющий крымскотатарским языком без особого труда поймет, что выражают, например, следующие звукоподражания:

- а) *ме-ме, ме-ке-ке, му-у-у, ав-ав, ко-ка-ре-кок*;
- б) *шарт, шатыр-шатыр, тарс, шап*;
- в) *ш-ш-ш, дыр-дыр, пуф-пуф*.

Однако в звукоподражательных словах встречаются фонемы или звукосочетания, которые отсутствуют в других словах. Фонетическое своеобразие звукоподражаний часто имеет мотивированное звуковым составом значение, представляет собой условные копии звуковых и других явлений.

Балабан бакъа «*Бакъ-бакъ*» – багъырды. – Большая лягушка (бакъа) заквакала: *ква-ква*. Балалар пек къуваналар. «*Турлыит-турлыит*, турналар!» –

деп кьычырышалар. – Дети очень радуются. Журавли кричат: курлы-курлы. Или: Ешилленди небататлар. Озенлер «шыр-шыр» акар. – Растения зазеленели. Реки с журчанием (*шыр-шыр*) потекли. *Шыр-шыр* – передает журчание воды. *Шырыл-шырыл* сувчыкъ аква. – С легким журчанием (*шырыл-шырыл*) течет водица (К. О.)

Большое многообразие звукоподражений в крымскотатарском языке обусловлено прежде всего мироощущением народа, его восприятием окружающей действительности. Передача звуковых явлений в художественной литературе, особенно в поэзии, – это опыт поэта, его творческий метод, который определяет перевод звуков внешнего мира на звуки нашей речи. Еще большее многообразие мы встречаем при сравнении звукоподражаний в разных языках. Причина различий в том, что ни в одном языке звуки, издаваемые предметами, живыми существами абсолютно точно передать невозможно (в данном случае речь не идет об имитации).

Каждый язык разрешал эту задачу так, как это было обусловлено его системой и строением, степенью развития. Неточность и недочеты в вопросе о звукоподражаниях сказались на практике перевода. Часто при переводах их оставляют без изменений. Своеобразная форма таких слов ощущается в подобных текстах как нечто инородное и непонятное.

Анализ звукоподражательных слов поможет, на наш взгляд, определить оптимальные пути перевода и преподавания в вузе данного материала.

Литература

1. Ашмарин Н. И. Основы чувашской мимологии: (О подражательных словах в чувашском языке). – Казань, 1918.
 2. Бюхер К. Работа и ритм. – М.: Нов. Москва, 1923. – 326 с.
 3. Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – Л.: Наука, 1968. – 343 с.
 4. Дмитриев Н. К. Очерк южнотюркской мимологии // Строй тюркских языков. – М.: Изд-во Восточной лит-ры, 1962. – С. 85–108.
 5. Щербак А. М. Изобразительные слова // Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). – М.: Наука, 1987. – С. 123–139.
- Список сокр.: Дж. Д. – Джафер Бекиров; К. О. – Кенджелерге Окьуньыз; С. У. – Сейран Усеинов.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005